

005049457

На правах рукописи

УДК: 008.009

Вокуев Николай Евгеньевич

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРИТВОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
(на материалах блогосферы)

Специальность: 24.00.01 — теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

7 ФЕВ 2013

Вокуев

Санкт-Петербург
2013

**Работа выполнена на кафедре культурологии
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования «Коми
государственный педагогический институт»**

Научный руководитель:

**Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии
Коми государственного педагогического института ФАДЕЕВА Ирина
Евгеньевна**

Официальные оппоненты:

**Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры прикладной
политологии Санкт-Петербургского филиала Научного
исследовательского института Высшая школа экономики
ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович;**

**Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории
культуры Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена ЯКОВЛЕВА Мария Николаевна**

Ведущая организация:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский
государственный университет культуры и искусств»**

**Защита состоится «11» 02 2013 г. в 17 часов на заседании Совета
Д 212.199.23 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена», по адресу: 197046, г. Санкт-
Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 317.**

**С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 5.**

Автореферат разослан «26» 12 2012

Ученый секретарь Совета

**по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук,
кандидат культурологии**

В.Н. Бондарева

Общая характеристика работы

Реферируемое диссертационное исследование представляет собой опыт анализа такой распространенной в современной культуре практики, как ведение блога, сквозь призму притворства.

Актуальность исследования. В современном мире все интенсивней происходит сращивание или даже замещение реального виртуальным, совершается все большая медиатизация среды, все чаще повседневная деятельность человека оказывается опосредованной интернетом и компьютерными технологиями. При этом экспансия медиа сопряжена с важными изменениями в них самих. Ранее воспринимавшиеся как внеположные индивиду институты, которые к тому же были вовлечены в отношения манипулирования и доминирования, сегодня медиа, безусловно, стали более «человечными», то есть более близкими индивиду и подверженными ответному с его стороны влиянию. «Очеловечивание» медиа связано с распространением технических средств, позволяющих индивиду самому генерировать и публиковать информацию. В первую очередь это относится к развитию так называемых «новых медиа», таких как социальные сети, вроде Facebook и «ВКонтакте», блоги и микроблоги (LiveJournal и Twitter). Они дают человеку возможность самому стать средством информации, альтернативным традиционным медианнституциям, и тем самым превращают его в медиум. Сопровождается же это процесс созданием виртуальных дубликатов человека.

Копирование самого себя в интернете становится все более обыденной операцией, а потому начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Это превращается в повседневную культурную практику, часть виртуализирующегося жизненного мира современного индивида. Поскольку именно в повседневности лежит ключ к пониманию человека и той культуры, носителем которой он является, все вышесказанное обуславливает актуальность изучения совершающейся на наших глазах

медиатизации человека. При этом повышается актуальность такого направления социогуманитарных исследований, как антропология медиа. Разрабатываемая западными учеными дисциплина с аналогичным названием предполагает прежде всего изучение влияния СМИ на сознание и повседневные практики индивида, а также деятельности журналистов, продюсеров и прочих агентов мира масс-медиа. В данной же работе внимание обращено не на массовые медиа, но на персональные, на превращение человека в медиум. Рассматриваемая здесь категория притворства проливает свет на личностное измерение процессов медиатизации человека и могла бы в дальнейшем применяться при изучении его деятельности в виртуальном мире. Притворство лучше всего объясняет внутреннюю логику саморепрезентации, при которой создаваемый для других образ «я» не совпадает с, условно говоря, настоящим «я», а именно это происходит при конструировании виртуальных личностей, зачастую отличающихся от своего «оригинала».

Притворство как акт самоопределения и самоманифестации человека стало объектом этого исследования. В качестве предмета исследования выбраны формы проявления притворства в интернет-культуре в целом и в таком ее сегменте, как блогосфера, в частности. Как считает диссертант, блогосфера — совокупность блогов, или интернет-дневников, по преимуществу персональных, — лучше всего отражает специфику выстраивания и манифестации образа «я» в виртуальном пространстве, поскольку включает в себя неограниченные по объему записи о повседневной жизни, как правило, доступные неограниченному же количеству пользователей. Кроме того, наблюдающаяся в последние годы популярность практики ведения блогов (обладателями онлайн-дневников в России и по всему миру стали миллионы людей), говорит о том, что такая форма деятельности выражает особенности самоидентификации современного человека.

Цель диссертационного исследования заключается в раскрытии специфических форм проявления феномена притворства и связанных с ним

когнитивно-семиотических моделей самоидентификации личности в блогосфере как неотъемлемой части интернет-культуры. Конкретизируется же она в следующих задачах:

1. Выявить исторические, культурно-антропологические и социокультурные предпосылки актуализации изучаемого явления в современную эпоху;

2. Обосновать характер взаимосвязи притворства как социокультурного и социально-психологического явления и способов самоидентификации человека в современной культуре;

3. Проанализировать особенности интернет-среды, оказывающие влияние на проявление в ней притворства и на выбор форм самообоснования и самоманифестации личности;

4. Определить специфику блога как формы конструирования виртуальной личности в его аксиологических, социальных, семиотических аспектах;

5. Рассмотреть проявления стеба и близких к нему форм притворства в коммуникативном пространстве блогосферы и выявить трансформации коммуникативных моделей на современном этапе их развития.

Степень разработанности темы. Проблематика идентичности, с которой в этой работе связывается феномен притворства, сегодня является одной из самых обсуждаемых в социогуманитарных дисциплинах. Термин «идентичность» ввел в обиход американский психоаналитик Э. Эриксон. В своих теперь уже классических трудах он изучал такое явление, как «кризис идентичности». Впрочем, осмыслено оно было еще раньше — Г.-В.-Ф. Гегелем (концепция «несчастливого сознания»), а в особенности С. Кьеркегором, обозначавшим его как «отчаянье», и другими представителями экзистенциальной философии (М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром, А. Камю, К. Ясперсом и др.) Из современных исследователей к проблематике культурно-идентификационного кризиса обращались В. Хесле, Л. Хейде, С. Холл, А.Ю. Шеманов, М.Н. Эпштейн, А.И. Извеков, Г.Л. Тульчинский, В.А. Сулимов,

И.Е. Фадеева. Затрудненную и множественную самоидентификацию связывали с интенсивностью социокультурной динамики З. Бауман, Э. Гидденс, П. Штомпка, М. Блюменкранц, Р.Д. Лифтон и др.

О социальной природе идентичности писали многие социологи и социальные психологи. Среди них выделяются основатели символического интеракционизма Ч. Кули, Дж. Г. Мид, примыкающий к ним И. Гофман и теоретики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман. Схожие идеи можно найти у П. Бурдьё, а также у представителей дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф, обращавших особое внимание на роль языка в процессе формирования идентичности.

П. Рикер, Р. Керни, А. Макинтайр говорили о ее нарративном характере. Семиотические аспекты идентичности были предметом специального исследования в рамках научного проекта «Семиозис и культура», реализуемого И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимовым.

Социологи Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин исследовали такую специфическую форму самоопределения, как негативная самоидентификация.

Осмысление антропологических и культурно-исторических предпосылок формирования идентичности можно найти в трудах И.С. Кона. Важные идеи для понимания этого явления высказывали Ж. Лакан, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, К.А. Свасьян и многие другие.

Достаточно изучено и явление виртуальной идентичности, анализу которого за рубежом посвящали свои работы такие исследователи, как Дж. Сулер, Б. Беккер, Э. Рейд, Ш. Теркл, Д. Чандлер и др. В нашей стране наиболее важные исследования в этой области были проведены Е. Горным, А.Е. Жичкиной, Е.П. Белинской.

Немало работ было написано о блогах. Среди западных авторов, изучавших этот культурный феномен, - такие авторитетные специалисты в области интернета как Д. Гиллмор, директор Центра общественных медиа при Гарвардском университете и университете Беркли, и теоретик медиа Г.

Ловинк. О жанровой специфике блогов писали специалисты в области коммуникации К. Миллер и Д. Шеферд. В России и странах СНГ феномен блогов анализировали исследователи сетевой культуры Е. Горный, П. Протасов, А. Горных и А. Усманова, лингвист М.А. Кронгауз, социологи И.В. Костерина, М.М. Соколов и Л. Михеева, медиа-аналитик А. Миропниченко и многие другие.

Значимой для анализа феноменологии притворства является тема симуляции и симулякра, концептуализация которой связана с именами французских философов Ж. Батай, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж. Делеза.

Родственное притворству явление самозванчества изучал Б.А. Успенский. В связи с проблемами идентичности его рассматривали философы И.П. Смирнов и, в особенности, Г.Л. Тульчинский. И. Гофман утверждал, что притворство, разыгрывание роли является обязательной частью каждодневных взаимодействий индивида с другими. О неизбежности поведенческого модуса «как если бы» в условиях стирания многих культурных смыслов писал самарский философ Ю.А. Разинов. А.А.К. Секацкий посвятил свою диссертацию разработке онтологии лжи, видя в ней неотъемлемую характеристику человеческого сознания и связывая ложь с экспансией «я».

Поскольку центральное место в исследовании занимают повседневные коммуникативные практики, значимыми для работы стали исследования повседневности и повседневных коммуникативных практик А. Шюца, Н. Элиаса, П. Штомпки и др.

Важным аспектом рассматриваемой проблематики являются игровые или парадоксальные формы идентичности, одной из которых является стеб, особенно характерный именно для блогосферы. Стеб представлен в диссертации как форма смеховой культуры, и на него вполне распространяются выдвинутые М.М. Бахтиным ее характеристики. Элементы пародийности, присутствующие в стебе, рассматриваются в исследовании с учетом теории пародии русской формальной школы, в частности, работ Ю.Н.

Тынянова и В.Б. Шкловского. Стеб как один из примеров негативной идентификации изучали социологи культуры Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин. Междисциплинарное исследование этого явления в формате Cultural Studies предпринимала антрополог и филолог С. Бойм.

Гипотеза, легшая в основу исследования, заключается в предположении о том, что распространение компьютерно-опосредованных коммуникаций приводит к увеличению разрыва между субъектом и его саморепрезентацией, семиотическим уровнем объективации образа «я».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сегодня притворство все больше вплетается в акты самоидентификации индивида, что связано с большей автономией современного человека, отличающей его от предшествующих поколений, и отсутствием предписанного ему раз и навсегда места в мире и обществе. С другой стороны, социальная мобильность, актуализирующая притворство тем, что современный человек в изменчивом обществе вынужден разыгрывать множество социальных ролей, делает множественной и его идентичность.

2. В историческом плане актуализация притворства вызвана изменениями в сознании человека и в культуре конца XIX века, продолжившимися в XX столетии и связанными с ломкой традиционной системы ценностей, метафорически обозначенной Ф. Ницше как «смерть Бога». Кризис метафизической картины мира, для которой было характерно религиозное, в конечном счете, самообоснование человека, воспринимавшееся как изначально заложенная в него сущность, привел к большей свободе самоопределения индивида и сформировал особенности современной и постмодерной идентичностей.

3. Интернет-пространство дарует человеку анонимность и, вместе с ней, свободу выстраивать любые образы «я». Незавершенный характер идентичности, в которой всегда присутствует момент недовольства собой, определяет стремление к некоторому целостному «я», в интернете

реализующееся в конструировании альтернативных образов себя. Распространение же этих практик знаменует увеличение разрыва между объективируемыми образами «я» и «я» фактическим, что приводит к актуализации ситуации игры означающих или утраты означаемого.

4. Наряду с конструированием альтернативных проектов самого себя, проявляющимся в смене имени, внешности и некоторых других личностных параметров, то есть посредством парадоксальной сигнификации, в Сети широко распространены практики негативной идентификации. Они предполагают самопозиционирование индивида путем отрицания чего-то чуждого и никак не способствуют позитивному проявлению его личности. Одной из таких практик является стеб — высмеивание, ценностное снижение чего-либо путем его пародирования. Аксиологически сниженный, язык стеба представляет собой способ не прямой, парадоксальной семантизации, основанной на игре означающих и двойственном феномене репрезентации/сокрытия идентичности. Разнообразные практики не прямой, парадоксальной, негативной репрезентации «я» можно объединить понятием «притворство», поскольку они предполагают сокрытие фактического «я» интернет-пользователя и создание альтернативного образа самого себя.

5. Блог в целом, на наш взгляд, можно рассматривать как альтернативный проект личности пользователя. И хотя в сетевых дневниках нередко публикуются рассказы о личном, это не только не исключает наличия притворства, но и предполагает его, поскольку публичная манифестация лишь подчеркивает игровой характер таких текстов.

6. Феномен притворства, демонстрируемый блогосферой, позволяет говорить об измененном характере интернет-коммуникации. Изменения, в частности, касаются позиций адресанта и адресата коммуникативного акта и заключаются в увеличении роли автокоммуникации, обращенности сообщения на его адресанта, что позволяет выявить нарциссические характеристики современного человека, связанные с нестабильностью его самоидентификации.

Научная новизна исследования. В исследовании впервые на материалах интернет-культуры разрабатывается феноменология притворства, которое как акт самоидентификации и самоманифестации изучено недостаточно. Новизна исследования заключается в выявлении когнитивно-семиотических моделей, связывающих кризисную, множественную, «номадическую» идентичность современного человека с миром текстовых репрезентаций. Характером новизны обладает разрабатываемый в диссертации семиотико-антропологический подход, применяемый к анализу блогосферы и позволяющий выявить наиболее характерные способы означивания «я» и формы конструирования идентичности в процессе интернет-коммуникации. Впервые на материале блогосферы был проанализирован феномен негативной идентичности, проявляющийся в виде «троллинга» и также характеризующий притворство в его социокультурных и социально-психологических аспектах.

На основе анализа коммуникативного поведения в блогосфере были выявлены значимые для интернет-культуры формы репрезентации идентичности, наиболее показательной из которых в плане исследования притворства является стёб. Было сделано теоретическое описание таких специфических для интернет-культуры и блогосферы видов стеба, как создание так называемых «фотожаб» и «демотиваторов» и проанализирована их семиотическая природа.

Теоретическая и методологическая основа работы. Данное исследование вполне вписывается в антропологический поворот в гуманитарных дисциплинах. Понимание человека как био-социо-культурного существа (М.С. Каган) позволяет рассматривать его сознание и деятельность как результат развития культуры и общества. Задачи культурологии, ориентированной на интерпретацию целостного социально-культурного опыта человека, определили необходимость культурно-антропологических подходов, основанных на понимании социально-культурной природы человеческого сознания и деятельности. Идеи Ю. Хабермаса о значимости

для современной культуры коммуникативного разума и коммуникативного действия как основанной на автономии субъекта социальности определяют необходимость новых подходов к социальной реальности, включающих понимание роли диалога и дискурсивности. Вместе с тем радикальные изменения в сфере социально-культурной коммуникации, связанные с появлением интернета, заставили по-новому взглянуть на когнитивные и семиотические факторы, изменяющие как повседневные практики, так и процессы идентификации. Это обусловило необходимость обращения к когнитивно-семиотическим и семиотико-антропологическим методам, опирающимся на идеи классической семиотики (Ч.С. Пирса, У. Морриса, Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона и др.), а также к сформулированным в ходе работы III Культурологического конгресса в рамках секции «Семиотика культуры: антропологический поворот» (2010 г.) принципам когнитивного и персонологического моделирования семиотических и коммуникативных процессов. Теоретической базой рассмотрения идентичности и ее нестабильности в современном мире послужили идеи З. Баумана, Э. Гидденса, Дж. Мида, Э. Эриксона, В.А. Сулимова, Г.Л. Тульчинского и др., а также подходы, выработанные в рамках экзистенциальной философии.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и результаты могут использоваться при дальнейшем изучении интернет-культуры, новых медиа и медиакультуры в целом, проблем идентичности современного человека, а также при чтении курсов по культурологии, социологии культуры и культурной антропологии.

Практическая значимость работы связана с тем, что ее результаты могут использоваться в процессе педагогической деятельности, при разработке курсов по такому направлению исследований, как антропология медиа, а также при проведении экспертизы, связанной с деятельностью человека в интернет-пространстве и в блогосфере в частности.

Апробация основных положений этой работы проходила на ежегодных научных конференциях «Семиозис и культура» (Сыктывкар, 2010, 2011 и

2012 гг.) и на III Российском культурологическом конгрессе (Санкт-Петербург, 2010 г.). Также они были отражены в одиннадцати научных публикациях, три из которых вошли в коллективные монографии, а две — были опубликованы в рецензируемых изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 190 наименований. Общий объем работы составляет 184 страницы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, обозначаются цели и задачи, научная новизна, указываются методологическая основа работы, ее теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 — «Притворство в контексте культурно-антропологических трансформаций модерна и постмодерна» — посвящена выявлению исторических, культурно-антропологических и социокультурных предпосылок актуализации притворства в современную эпоху.

В **параграфе 1.1 - «Притворство и самоидентификация человека»** - обосновывается связь рассматриваемого явления с актами самообоснования и делается небольшой экскурс в теории идентичности и возникновения «я».

Понятие «притворство» концептуализируется в **пункте 1.1.1 («Самость, ее формирование и сокрытие»)**. Оно сопоставляется с постмодернистскими концепциями симуляции и симулякров (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез), делается вывод, что термин «притворство» более подходит для рассмотрения личностного измерения процесса семиозиса при порождении субъектом своих репрезентаций, дубликатов в виртуальном пространстве интернета. При рассмотрении этимологии этого слова (притворять-ся, т.е. притворять себя, принимать на себя вид, не соответствующий действительности) заключается, что в ней уже содержится представление о

двойном акте сокрытия некоего истинного «я» и представления «я» ложного. При этом здесь делается оговорка об условности употребления словосочетания «истинное „я“»: оно удобно для схематизации акта притворства, тогда как (учитывая современные теоретические попытки деонтологизировать статус «я») на его месте может оказаться пустота, прикрываемая в этом акте своего рода маской, либо внутренняя неустойчивость, избегающая определения и завершенности, а потому в акте притворства редуцируемая к определенному образу или знаку.

Здесь также дается беглый анализ идей американских социологов школы символического интеракционизма Ч. Кули и Дж. Г. Мида, которые объединяет предположение о том, что в процессе коммуникации индивид научается смотреть на себя глазами других, и именно это лежит в основе способности воспринимать себя как объект, то есть в основе формирования представлений о самом себе (самости). Более подробно автор останавливается на теории И. Гофмана, утверждавшего, что в каждодневных взаимодействиях с другими индивид ведет себя, как актер на сцене, разыгрывая определенные социальные роли, надевая соответствующие социальные маски. В основе такого поведения, по Гофману, лежит желание человека контролировать впечатление, производимое им на других. При этом роль может интериоризоваться, став частью самости (если индивид верит в нее), либо остаться маской (в случае циничного восприятия ее как роли). Таким образом, притворство постоянно вплетается в повседневные взаимоотношения человека с другими. Исходя из нынешней изменчивости и неустойчивости социальной среды, делается вывод, что современный человек вынужден разыгрывать все больше ролей, а потому роли эти не интериоризуются, маски не успевают «срастись с лицом».

В пункте 1.1.2 (*«Притворство и кризисность идентичности»*) рассматриваются теории идентичности, предложенные психоаналитиком Э. Эриксеном и философом В. Хесле. Их роднит расщепление «я» на два начала — наблюдающее (собственно «я») и наблюдаемое (самость), гармония между

которыми вызывает ощущение самоидентичности, тождественности себе самому. Отрицание же самости со стороны «я» приводит к кризису идентичности. При этом, по мнению обоих исследователей, самость динамична и постоянно меняется. Поскольку изменчивость вступает в противоречие с самотождественностью, диссертант утверждает, что тождественность не может быть полной, а потому идентичность иллюзорна и изначально кризисна: между «я»-субъектом и «я»-объектом всегда существует трещина. Обоснование этого положения делается с опорой на работы М.М. Бахтина и Ж.-П. Сартра, писавших о несовпадении «я» с самим собой и о цельности как постоянно предстоящей ему возможности. Это несовпадение, полагает диссертант, лежит в основе стремления человека к реализации некоего идеального «я».

Аналогичные размышления встречаются у С. Кьеркегора, концептуализировавшего в понятии отчаянья то же самое явление, что выше было обозначено как «кризис идентичности» - внутренний разлад «я» с самим собою. По Кьеркегору, «я» всегда пребывает в отчаянии, которое часто принимает скрытые формы. Философ описывал диалектику отчаянья от неосознанной формы (когда отчаиваешься по какому-либо поводу) к его осознанию (когда понимаешь, что отчаиваешься в себе самом), которое проявляется в нежелании быть собой и, после, в стремлении реализовать себя таким, каким хочешь быть. Идеи эти применяются автором диссертации для объяснения «внутренних пружин» притворства: осознание несоответствия «я» самому себе приводит к возникновению желания быть собой, на деле оборачивающегося стремлением к некоему воображаемому «я», что, в свою очередь, подталкивает человека к притворству — сокрытию актуального «я» маской. Суммируя идеи Бахтина, Сартра и Кьеркегора о неполноте и незавершенности субъекта, диссертант обращается к схожим положениям в лакановском психоанализе, объясняющем их теми процессами, что происходят с индивидом на «стадии зеркала»: в возрасте 6-18 месяцев ребенок, еще не овладевший речью, начинает ассоциировать свое зеркальное

отражение с самим собой. Этот зеркальный образ, утверждает Ж. Лакан, становится основой *imago* — воображаемого, идеального образа самого себя, который всегда находится для субъекта в перспективе, всегда недостижим, как образ Другого, и который способствует его вхождению в «символический порядок» языка и культуры.

В пункте 1.1.3 («Притворство и экспансия „я”») рассматриваются концепции, объясняющие, как притворство стало универсалией современной культуры. Согласно одной из них, выдвинутой А.К. Секацким, развитие культуры связано с развитием и утончением форм лжи и способов ее нейтрализации — «техники безопасности укрытия лжи», которая ограждает в бытии человека сферы, недоступные для нее, либо придает ей вид истины. А.К. Секацкий полагает, что сегодня мы наблюдаем экспансию «я», которая сопровождается разного рода фальсификациями, вроде изменения внешности и пола. Соответствующие хирургические операции, практикуемые в обществе, пока что не воспринимаются как норма, что говорит о сбоех «техники безопасности укрытия лжи», но, тем не менее, свидетельствуют о том, что человек приближается к границе, за которой сам начнет выбирать свою внешность и половую принадлежность. Другой питерский философ Г.Л. Тульчинский, указывая на те же обстоятельства, полагает, что границы «я» постепенно сужаются, уходя под кожу человека: превращение тела в подобие костюма, который можно сменить, приводит к тому, что личность становится некой «точкой сборки» свободы и ответственности. Актуальную ныне форму самоидентификации философ называет проектно-брендовой: человек создает один или несколько проектов самого себя и продвигает их как личностные бренды. Фактически это говорит о стирании границ между самоопределением и самозванством.

В параграфе 1.2 — «„Смерть Бога” как утрата „точки центрирования”» — анализируются предпосылки возникновения автономности человека, восприятия им своего «я» как собственного проекта. Автопроективность человека ассоциируется с утверждением Ж.-П. Сартра о

том, что «существование предшествует сущности». Подобные открытия были результатом кризиса платоновской метафизики, разделявшей мир идей и определяемый им мир вещей. Этот кризис, по М. Хайдеггеру, освободил человека от диктата высших ценностей и был осмыслен Ницше как «смерть Бога». Она ознаменовала собой утрату «точки центрирования» (М. Блюменкранц), по отношению к которой индивид наделялся своим местом в мире и, соответственно, заданной раз и навсегда идентичностью. Ю.А. Разинов обозначает этот кризис термином Ф. Гваттари «семиотический коллапс»: «смерть Бога» обернулась тотальной девальвацией ценностей и смыслов, коснувшейся и понятия «я».

В сущности, «смерть Бога» является отражением на ментальном уровне трансформаций, которым подвергся социум в результате разрушения цементирующих его сословий, а после — расшатывания классов. О том, что происходит с человеком в мире, лишившемся стабильности и пришедшем в интенсивное движение, речь идет в *параграфе 1.3 — «Множественное „я” и его самоописание»*. В нем утверждается, что фрагментация и мультиплицирование социокультурного бытия привели к формированию у индивида «номадической» или «протейной» идентичности. Оба термина обозначают множественное и фрагментированное «я», многочисленные «масочные» проявления которого с трудом интегрируются в единую самость — нарративную идентичность, рассказ о себе, в который неизбежно включаются элементы фикции, притворства, но без которого невозможна связь внутреннего бытия индивида с жизнью общества.

Образы «я», которые человек выстраивает в интернете, — явления того же порядка, что и повествование о себе, а потому невозможны без фикции. Анализу этой проблемы посвящен *параграф 1.4 — «Виртуальность идентичности»*. Здесь виртуальное пространство рассматривается как продолжение реального мира, а различные персоны, порой не совпадающие с «оригиналом» по возрасту, внешности и половым признакам, — как продолжение множественности «я», наблюдаемой в оффлайне, результаты

того импульса притворства, который устремляет человека к его воображаемому «я» и подталкивает к надеванию масок в повседневном общении.

В конце главы подводятся промежуточные итоги и делаются *выводы* о том, что в современном социокультурном пространстве, характеризующемся нестабильностью и фрагментарностью, индивид обречен на постоянную смену социальных масок, что стирает грани между его самоидентификацией и притворством, изначально включающимся в процессы самоопределения. Множественность и «номадичность» идентичности с особым размахом проявляются в интернете, являющемся благоприятной для притворства средой.

Особенности виртуального пространства подробно исследуются в главе 2 - «Блогосфера как сфера реализации притворства». В *параграфе 2.1 — «Виртуальное пространство и опыт бестелесности»* — бесплотность киберпространства утверждается как основной фактор, позволяющий индивиду экспериментировать с какими угодно идентичностями. Поскольку интернет впускает в себя лишь семиотические проявления человека, индивид в нем превращается в текст и в таком виде обретает полную свободу выбирать те формы самопроявления, которые ему по душе, — от анонимности до создания различных персонажей. В параграфе рассматриваются различные проявления бестелесности: затрудненная идентификация другого, появление фиктивных персональных страниц и блогов («виртуалов») и др.

Параграф 2.2 — «Между дневником и масс-медиа: особенности блога как средства коммуникации» — посвящен жанровым особенностям блога, с которыми связаны предоставляемые этим средством коммуникации возможности для притворства. В *пункте 2.2.1 — «Жанровая неоднородность блогов»* — сообщается о том, что блог (периодически обновляемая лента упорядоченных по времени текстовых записей, фото-, видео- или аудиоматериалов, предполагающая возможность комментирования

сообщений читателями) содержит в себе признаки самых разных средств коммуникации. LiveJournal (название самой популярной блоговой платформы) — это не только «Живой журнал», но и «Живой дневник».

Блог как СМИ рассматривается в *пункте 2.2.2 — «ЖЖ как средство массовой информации»*. На то, что блоги со всей очевидностью можно вписывать в систему масс-медиа, указывают не только постоянные ссылки на них в сообщениях журналистов и активное использование блогерского контента в интернет-изданиях, но также огромная популярность отдельных блогеров (вроде Алексея Навального), превысившая популярность некоторых СМИ. Такие ЖЖ явно сродни колумнистике и реализуют коммуникацию по схеме «Я — ОНИ». Также (в *пункте 2.2.3 — «Блог как разновидность дневника»*) рассматриваются блоги, не имеющие отношения к политической журналистике и в большей степени родственные классическим бумажным дневникам. В «настоящем» дневнике коммуникация реализуется преимущественно по схеме «Я — Я», то есть здесь мы имеем дело не с массовой коммуникацией, а с автокоммуникацией. Между тем, это отнюдь не означает, что записи о личном в интернете не пользуются популярностью. Попадание рассказов о повседневной жизни и об интимном в каналы массовой коммуникации весьма показательны для эпохи, которую одни характеризуют «добровольным отказом от privacy» (У. Эко) и отрицанием приватности как социальной нормы (основатель Facebook М. Цукерберг), а другие (К. Калверт) — распространением «опосредованного вуайеризма». Соединение в блогах двух противоположных разновидностей коммуникации и смешение публичного и интимного дискурсов приводит к возникновению своеобразного зазора (ему посвящен *пункт 2.2.4 «Блог как „зазор между публичностью и интимностью”»*). Этот зазор между публичным и интимным демонстрирует ситуацию смены масок — трибуна и человека, обращающегося к близким друзьям.

В *параграфе 2.3 — «„Строительные блоки” образа „я”»* — рассматривается то, из чего в Сети непосредственно конструируется

виртуальная идентичность. В частности, речь идет о «никнеймах», именах пользователей (им посвящен пункт 2.3.1 «Самоименование и самозванство»), и «аватарах», или «юзерпиках» - картинках пользователя (пункт 2.3.2 «Аватар как виртуальное „воплощение“ человека»). «Ники» анализируются в контексте смены имени как проявления автопроектности человека и осуществления новой идентичности. Диссертант обращается к идеям представителей русской философии имени (П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева), трактовавших знак как часть означаемого и приписывавших имени функцию выражения сущности его носителя. С этой точки зрения смена имени равнозначна самозванству и приводит к расщеплению личности. В постметафизических же представлениях «ники» оказываются лишь симулякрами. То же самое касается и «юзерпиков», которые сравниваются с масками. Маска скрывает лицо, которое, по Э. Левинасу, не относится к миру феноменов и столкновение с которым рождает непосредственное этическое отношение к Другому.

«Ник» и «аватар», как утверждается в пункте 2.3.3 — «Виртуальное „я“ и чудовище Франкенштейна», — образуют единство символического и иконического знаков, служащее для первичной идентификации того или иного блога в хаосе блогосферы и придают некоторую целостность неизбежно распавшемуся бы на части ЖЖ. В блогосфере притворство оформляется в виде фрагментированных текстов: «постов», комментариев, «облака тегов», списков друзей.

В конце главы делаются следующие **выводы**: виртуальная среда, освобождая человека от телесности и подталкивая его к семиотизации, актуализирует притворство, крайним проявлением которого в Сети является создание «виртуалов» - полностью фиктивных персонажей или фальшивых страниц и блогов известных людей; эта фиктивность, даже будучи очевидной, порой ничуть не мешает общению, что характеризует интернет-коммуникацию утратой референта и игрой означающих; притворство в блогосфере проявляется в смене имени и внешности, фиксирующих идентичность в реальной жизни, а

также в использовании широкого спектра масок, обусловленном смещением в блогах публичного и интимного дискурсов.

Анализу того, как притворство осуществляется в блогах на уровне языка, посвящена глава 3 — **«Интернет-язык и практики негативной идентификации»**. Как предполагается в работе, одной из самых распространенных в интернет-культуре (и в блогосфере как ее части) форм языкового поведения стал стеб. Попытка концептуализировать это явление представлена в *параграфе 3.1 «Интернет-стеб как апофатическое сокращение „я”»*.

В пунктах 3.1.1 – 3.1.4 дается обзор существующих трактовок стеба, среди которых выделяются концепции С. Бойм., Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина, проводится сопоставление стеба с феноменом лиминальности (Г.Л. Тульчинский). В результате делается заключение о том, что выстраиваемая средствами стеба идентичность не предполагает положительного содержания.

Распространенность стеба в интернете, как сообщается в *пункте 3.1.5 («Стеб в виртуальной коммуникации»)*, можно связать с карнавализованностью этой среды, где меняют пол, имя, социальный статус, надевают маски. Неудивительно поэтому, что он проникает в «юзерпики» (к примеру, женские ягодицы на «аватаре» блогера suganov, представляющие собой карнавальную инверсию верха и низа) и «никнеймы» («ник» известного блогера Антона Носика — dolboeb).

В работе исследуются характерные для Рунета пародийные коммуникативные практики создания так называемых демотиваторов и «фотожаб».

Пункт 3.1.6 - «Стеб в контексте агрессивности виртуальной среды» - посвящен рассмотрению коммуникативных стратегий стеба в условиях перенасыщенной информационной среды, когда обилие сообщений противодействует их осмыслению и в результате порождает недоверие. Стеб также представляется как реакция на агрессивность интернет-пространства, своей анонимностью стимулирующего девиантное поведение отдельных пользователей. Все это приводит к распространению родственных стебу практик негативной

идентификации, среди которых выделяется «троллинг» (от *to troll* – ловить рыбу на блесну). Он представляет собой не что иное, как провоцирование ради собственного удовольствия конфликтов в различных форумах и «ветках» комментариев. Как и стейб, «троллинг» предполагает притворство, мимирию чьего-либо языка и часто проявляется в эпатажных формах. Однако, если, являясь стратегией провокативной коммуникации, «троллинг» имеет своей целью ввести жертву в заблуждение, то стейб основан на иных авторских интенциях. Адресат сообщения в стейбе рассматривается как соучастник, в «троллинге» – как «жертва».

Другие примеры языкового поведения, которые можно отнести к карнавальной культуре и негативной идентификации, приводятся в **параграфе 3.2 — «Сетез — язык „падонков” и „битардов”»**. Здесь анализируется возникновение специфических жаргонов интернет-субкультур, получивших широкое распространение на просторах Сети и ставших неотъемлемой частью языка блогосферы. Это так называемый «падонковский», или «олбанский» язык и жаргон «битардов», пользователей раздела /b/ одной из разновидностей форумов — имиджбордов. В первом случае речь идет о намеренном искажении орфографии и сведении смысла фраз к простому одобрению/неодобрению («афтар, убейся апстену», «креатифф — гавно, афтар — муда»), во втором — о конструировании заведомо непонятных и ориентированных на стейб и «троллинг» неологизмов (ЕРЖ - «еврейский расовый жид», ПМ - «православие головного мозга»).

Во всех этих языковых практиках, как утверждается в диссертации, и речи не идет о каком-либо положительном проявлении личности. «Я» здесь полностью скрывается за масками и лишь сигнализирует своей знакопорождающей деятельностью о том, что оно где-то есть. Это роднит «сетез» (неологизм, введенный А.К. Секацким) с опцией Like в Facebook'е, сводящей семиотическую активность субъекта в Сети к порождению знаков, но отнюдь не смыслов.

В **параграфе 3.3 — «Пределы негативности и откровенности»** — диссертант рассматривает вероятность смены парадигм коммуникации в

интернете, о которой свидетельствует закат популярности ресурсов и сообществ, концентрирующих в себе практики негативной идентификации. Это «Луркоморье» (откровенно стебровая энциклопедия интернет-культуры, настоящий кладезь сетеза) и «Кисоклассники» (вуайеристское комьюнити в «Живом журнале», участники которого публикуют и иронично комментируют выуженные из Сети фотографии девушек, запечатлевших себя в соответствии с пошлыми представлениями о канонах гламура). Впрочем, здесь отмечается, что даже если эти трансформации уловлены верно, это ничуть не отменяет характеристики интернет-пространства как места, где актуализируется притворство: оно вплетается в саморепрезентацию даже в тех случаях, когда субъект выстраивает откровенное повествование о себе.

В *выводах* стеб связывается с рассмотренным в первой главе «семиотическим коллапсом» и с ситуацией истощенности культурных языков, которой обусловлено распространение и других характерных для Сети проявлений негативной идентификации; все эти практики сопровождаются таким инвестированием себя в знаки, при котором «я» остается непроявленным или даже обнаруживает собственную пустоту.

Окончательные итоги и выводы формулируются в *Заключении*, где также намечаются перспективы дальнейших исследований.

В данной работе доказывалось, что экзистенциальная проблематика подлинности и притворства не утрачивает своей актуальности, а, напротив, становится более значимой, и причина тому — распространение компьютерно-опосредованных форм коммуникации, в которых индивид объективирует себя в видимом тексте, становящемся для него своего рода маской.

В ходе исследования получили подтверждение следующие положения:

1. В современном мире обнаруживается изначальная связь самоидентификации и притворства: субъект принимает за свое «я» навязанную ему обществом и культурой маску. Факт осуществляющейся при этом подмены вытесняется из сознания — так, по А.К. Секацкому, действует заложенная в культуре «техника безопасности укрытия лжи». Однако

умножение числа навязываемых масок, обусловленное фрагментацией и множественностью современного социокультурного пространства, приводит к тому, что эта техника начинает давать «сбой». Акт притворства при этом выходит на поверхность, становится очевидным (радикальные случаи — смена внешности и пола, к которым прибегают отдельные индивиды). В результате самоидентификация современного человека и обнаруживает себя как притворство, самозванство — выстраивание и продвижение брендов самого себя («самоидентизванство», как вслед за Д.А. Приговым именует эти практики Г.Л. Тульчинский).

2. Притворство как осознанная стратегия самоидентификации и самоманифестации подразумевает осознание субъектом себя как своего собственного проекта. Такое самовосприятие зародилось еще в культуре Ренессанса и было связано с вытеснением из сознания Бога как «точки центрирования», определяющей место индивида в социуме и, соответственно, его «я». Таким образом, рождение человека как своего собственного творца связано с кризисом метафизического представления о мире. Процесс этот не был внезапным. Еще у Кьеркегора «я» оставалось прикованным к самому себе его создателем — Богом. Однако «смерть Бога», диагностированная Ф. Ницше, сняла эти оковы, и «я» стало автономным, своим собственным проектом. «Существование предшествует сущности» — эта сартровская формула оказалась характеристикой автопроектного человека эпохи модерна. В эпоху постмодерна устремленность к идеальному «я» сменилась кочеванием от одного «я» к другому, от одной маски к другой, когда социальные роли и нормативные образы «я» периодически подвергаются девальвации. При этом человек остается своим собственным проектом, он волен определять себя — вплоть до своей внешности. Только частая смена масок, связанная с частой сменой социокультурных контекстов взаимодействия с другими, затрудняет самоидентификацию и выявляет притворство.

3. Притворством является и создание образов самого себя в виртуальном пространстве интернета, который предоставляет субъекту широкие возможности

для самопроектирования. Это связано с рассмотренными нами особенностями интернет-среды, подталкивающей индивида к текстуализации. Скрываясь за маской интерфейса, дарующей человеку анонимность и свободу самовыражения, пользователь Сети может экспериментировать со своей идентичностью, наделяя ее какими угодно характеристиками. Разрыв с фактическим «я» выражается и в практикуемой в виртуальном пространстве смене имени (создании «никнеймов») и внешности (создание «аватаров», или «юзерпиков»). Но даже если эти параметры остаются прежними (хотя выбор фото для «аватара» — в любом случае выбор маски), семиотизация идентичности предполагает искажение, поскольку повествование о себе, по П. Рикеру, невозможно без фикции. Поэтому персональный блог — это всегда альтернативное «я». Разрыв между субъектом и его репрезентациями позволяет говорить об утрате денотата и замене в интернет-пространстве традиционной привязки означающего к означаемому игрой означающих.

4. Наряду с парадоксальной сигнификацией своего «я», проявляющейся в смене имени и внешности, в конструировании альтернативных образов самого себя, блогосфера характеризуется и распространением практик негативной идентификации — стеба, «троллинга», особых языковых форм сетевых субкультур. Будучи проявлением притворства — такого, что направлено на ценностное снижение объекта мимикрии, - стиб является самоутверждением от противного, а потому лишь свидетельствует о том, что «я» где-то есть. Но поскольку ни стиб, ни «троллинг» не предполагают сколько-нибудь позитивного проявления личности, «я» безнадежно теряется за знаковой, медиальной оболочкой. То же самое касается специфического интернет-языка, будь то язык «падонков», «битардов» или каких-то других субкультур. Он либо несет в себе черты стеба, либо годится для выражения значений, но не смыслов («ржунимагу», «фтопку», «зачот», «низачот»). Последнее также свидетельствует о «вымывании» из интернет-коммуникации субъективности и утрате денотата.

5. Блог, как было показано в данной работе, не просто конструирует альтернативный образ его автора, но и является вариантом виртуальной

маски и, надо отметить, маски множественной и фрагментарной, как и все (пост)современные тексты. Она включает в себя разрозненные тексты, а также фото- и видеоматериалы, единство которых обеспечивается «никнеймом» и ограниченным набором «юзерпиков». При этом интимные и доверительные рассказы о себе, поскольку они ведутся на глазах у неограниченного количества интернет-пользователей (феномен «публичной интимности»), также оборачиваются масками. Рассказчик в каком-то смысле оказывается на сцене и играет определенную роль.

6. Специфика блога также обусловлена тем, что он унаследовал черты как дневника, так и журналистских жанров. Тем самым в блогосфере смешиваются публичный и интимный дискурсы, повышается роль характерной для дневника автокоммуникации, при которой адресант и адресат заключаются в одном лице. Все это свидетельствует об эксгибиционистских и нарциссических характеристиках современного человека, вероятно, связанных с неустойчивостью его самоидентификации, нехваткой внутри субъекта, которую он пытается компенсировать чрезмерной сигнификацией своего «я».

Отмеченные выше искажения, обусловленные спецификой интернет-пространства, и практики негативной самоидентификации доказывают гипотезу о том, что распространение компьютерно-опосредованных форм коммуникации приводит к увеличению разрыва между субъектом и семиотической объективацией его образа в Сети.

Как было показано в работе, анонимность, маски и смеховые практики стеба характеризуют интернет как карнавальное пространство. Но если раньше, в Средние века, карнавалы были привязаны к календарю, а потому служили выходу за пределы повседневности, то сегодня, благодаря распространению компьютерных технологий, карнавальное пространство становится доступным практически в любое время. Перефразируя Хемингуэя, интернет — это карнавал, который всегда с тобой. Такого рода карнавализация повседневности могла бы стать объектом другого исследования.

Анализ блогосферы сквозь призму притворства можно развить, распространив этот подход за пределы так называемых «я-медиа» и «мы-медиа» - на сферу массовых коммуникаций. Повседневное разыгрывание ролей, по И. Гофману, связано с желанием управлять впечатлениями, производимыми в сознании другого, а потому является стратегией осуществления власти. Если же обратиться к повсеместной практике политиков и власть предержащих распространять через подконтрольные СМИ «нужные» и «правильные» образы себя самих, то легко обнаружить то же самое притворство, только в более крупных масштабах. Поэтому следующим шагом в применении категории притворства в рамках антропологии медиа могло бы стать исследование с этой точки зрения рекламы и Public Relations, которые связаны с внедрением в сознание определенных образов, имиджей отдельных товаров и индивидов.

Сквозь призму притворства можно рассмотреть и другие культурные явления, не относящиеся или не всегда относящиеся к сфере медиа, — такие как мода и меняющиеся в зависимости от культурной эпохи стандарты красоты: ведь именно притворством, пусть часто и неосознанным, является стремление индивида подогнать свой образ под эти навязанные ему представления.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях общим объемом 6,8 печатного листа:

1. Вокуев Н.Е. Отчаянье и кризис идентичности: сравнительный анализ философских концепций С.Кьеркегора и В.Хёсле. // Семиозис и культура. Философия и антропология разрыва (текст, сознание, код): сб. науч. ст. / под ред. И.Е. Фадеевой, В.А. Сулимова. - Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. – Выпуск 6. С. 142-146 (0,45 п.л.).

2. Вокуев Н.Е. Феноменология стеба в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. - 2010, №2. URL: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/191-article_3.html (0,62 п.л.).

3. Вокуев Н.Е. Сетевое самозванство как следствие «смерти Бога». Идентичность: интеллектуальные практики и социальное

конструирование: монография / Власова В.В., И.А. Гончаров, Дронова Т.И. и др.; отв. ред. И.Е. Фадеева. - Сыктывкар: Коми пединститут, 2010. - С. 157-164. (12,48 / 0,48 п.л.).

4. Вокуев Н.Е. Виртуальная личность как пустой знак: к вопросу о сетевом самозванстве. // Семиотика культуры: антропологический поворот. Коллективная монография / Плохотнюк В.С., Пржиленский В.И., Ширинянц А.А. и др. — СПб.: Эйдос, 2011. - С. 280-289. (19,9 / 0,55 п.л.).

5. Вокуев Н.Е. «Ник» и «аватар» как строительные блоки образа «я» в блогосфере. // Семиозис и культура: от реальности к тексту – от текста к реальности: сб. науч. ст. (выпуск 7) / ред. И.Е. Фадеева, В.А. Сулимов. - Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. - С. 53-59. (0,67 п.л.).

6. Вокуев Н.Е. Между дневником и масс-медиа: особенности блога как средства коммуникации // Аналитика культурологии. - 2011, №1. URL: <http://analiculturolog.ru/journal/new-number/item/675-between-diaries-and-media-especially-blog-as-a-communication-tool.html> (0,81 п.л.).

7. Вокуев Н.Е. «Смерть Бога» и «аватаризация человека»: к вопросу о самопроектируемой личности // Вопросы культурологии. Научно-практический и методический журнал. – 2011, №4. — М.: Издательский дом «Панорама». - С. 108-112. (0,4 п.л.).

8. Вокуев Н.Е. Стеб офлайн и онлайн. Попытка теоретического осмысления. // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. - 2011, №2. Сыктывкар: Коми государственный педагогический институт. - С. 30-47. (1,08 п.л.).

9. Вокуев Н.Е. Притворство в современной (медиа)культуре // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2012 (май), №2(1). (0,6 п.л.).

10. Вокуев Н.Е. Онтология притворства: современный Протей офлайн и онлайн. // Семиозис и культура: лабиринты смысла: монография / Сулимов В.А., Лезте А. и др. [под общ. Ред. И.Е. Фадеевой, В.А. Сулимова] — Сыктывкар: Коми пединститут, 2012 (май). - С. 312-321. (27,06 / 0,71 п.л.).

15

11. Вокуев Н.Е. «Полное затмение»: фильм Андрея Лошака как зеркало русского абсурда // Человек. Культура. Образование. – 2012 (октябрь), №4 (6), Сыктывкар: Коми государственный педагогический институт, – С. 169-178. (0,47 п.л.).

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 321. Подписано в печать 24.12.2012 г. Бумага офсетная
Формат 60x84¹/₁₆. Объем 1,75 п.л. Тираж 150 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел./факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
asterion@asterion.ru

